

ДЕНИС ЛОБАС

ШУБА

ОН ЗНАЛ, ЧТО ТЫ ОДИН

18+

Денис Лобас

Шуба

«Автор»

2026

Лобас Д.

Шуба / Д. Лобас — «Автор», 2026

Зима. Глухой лес. Старый дом на отшибе. Тринадцатилетний Серёжа впервые остаётся один. Родители уехали всего на несколько дней, но уже в первую ночь за окном появляются чужие следы. Кто-то медленно идёт через сугробы. Кто-то в тяжёлой тёмной шубе. Он не стучит. Просто подходит к дому. А потом дверь всё-таки открывается. То, что начинается этой ночью, не закончится с рассветом. И через двадцать лет Серёжа всё ещё будет слышать тяжёлые шаги по снегу и голос, который тихо произносит его имя.

© Лобас Д., 2026

© Автор, 2026

Денис Лобас

Шуба

Глава 1.

Отец возился в гараже уже пятнадцать минут. Стартер скрежетал, хрипел, замолкал — и снова скрежетал, будто машина не хотела просыпаться в этот мороз. Серёжа лежал в кровати, считал попытки. На третьей мотор кашлянул, чихнул и завёлся — неровно, с провалами, но завёлся. В гараже хлопнула дверца, и отец выругался — коротко, смачно, как всегда, когда что-то шло не по плану.

За окном было серо. Снег лежал на заборе комьями, на проводах висели сосульки, и лес за огородом стоял чёрный, плотный — ни одного просвета. Будто кто-то задвинул штору.

Серёжа натянул одеяло выше — так, чтобы из-под края торчал только нос. В комнате пахло старой древесиной и блинами — с первого этажа тянуло маслом и жареным тестом. Но к запаху еды примешивался другой: холодный, металлический, от печи, которую не топили со вчерашнего вечера. Серёжа повернулся на бок и посмотрел на дверцу печи. Она была приоткрыта. Вчера отец учил его разжигать огонь.

— Сначала старые газеты, на них кору, потом мелкие палки и только потом брёвна, — говорил отец, вынимая из кармана длинные охотничьи спички. — Давай, пробуй.

Серёжа чиркнул спичкой, открыл поддувало, как учили, и пламя разгорелось сразу — так уверенно, будто ждало этого. Дверца задрезбуждала от жара. Отец улыбнулся — сверкнул золотой зуб — и прикрыл поддувало.

— Ну всё, теперь не замёрзнешь.

Отец взглянул на него с улыбкой — не той, что бывает, когда хвалят за успехи в школе, а другой, редкой, почти грустной. Как будто он что-то хотел сказать, но не стал.

Серёжа знал, как разжигать печь. Умел делать это с восьми лет, да и отец знал, что умеет. Но вчера Серёжа не стал спорить. Потому что отец всегда умудрялся рассказывать о старом по-новому. В его объяснениях всплывали детали, о которых не упоминал раньше, как и сейчас, когда из-за пазухи достал те самые спички. И ещё не стал спорить, наверное, потому что отец уезжал. В такие моменты всегда хотелось, чтобы он говорил подольше. В этот раз — тем более. Потому что они собирались в дорогу вдвоём, с мамой. Хотя и всего на несколько дней. Серёжа оставался один впервые. С самого пробуждения его грызла та самая нервозность, которую в детстве испытываешь перед приходом гостей. Когда в зале уже стоит раскладной стол, принесённый с балкона, на нём красовалась белая скатерть, а бокалы из серванта — которые перед этим старательно протирали от пыли — ждали каждый свой напиток.

— Сергей! Вставай! — крикнула мать из коридора. — Мы уезжаем через полчаса!

Серёжа сел. Пол был ледяной — деревянные доски обжигали ступни. Натянул старые джинсы, футболку, сверху — свитер, который был на размер больше и пах костром. Спустился на кухню.

Мать стояла у плиты. Рядом с ней гора блинов — верхний смазывала маслом, наколотым на вилку. Отец уже был в кожаной дублёнке, рюкзак на плече. На столе разложили свёрнутые спальные, котелок и топор — отец утрамбовывал их в спортивную сумку с надписью "Abibas".

— Ну что, Серый, — отец хлопнул сына по плечу, от ладони пахло бензином и сигаретами. — Остаёшься за главного. Деньги на столе, в холодильнике котлеты. Бабушка приедет в субботу.

Серёжа вдохнул запах отца — и улыбнулся. Это был запах счастья. Запах тех редких дней, когда вместе уезжали в выходные на рыбалку. Когда можно было не думать об уроках, о школе, о том, что завтра снова понедельник.

Серёжа всегда сидел на переднем сиденье — выполнял роль штурмана. Раскладывая на коленях большую карту, водил пальцем по извилистым линиям дорог, прокладывая путь до очередной запруды или речушки. На маленьком квадратике отец красным фломастером поставил жирную точку и написал "Дом". Так было проще среди тысячи таких же найти тот самый. Потом карта стала не нужна — отец выучил все шоссе и просёлочные дороги в их районе. Поэтому карта перекочевала из Серёжиных рук в бардачок, где и лежала между салфетками, папиными сигаретами и старой зажигалкой.

Взглянул на отца, на рюкзак за его спиной — и будто только сейчас осознал, что они уедут. Что останется один. От этого внутри что-то ёкнуло, стало тоскливо, но, не подавая виду, просто сел за стол.

Мать дожарила последний блин, поставила сковороду в раковину — раздалось еле слышное шипение. Повернулась к Серёже:

— Телевизор не смотри до поздна. Уроки делай. Не прогуливай.

— Да понял я, — буркнул Серёжа. — Не маленький. Тринадцать лет как-никак.

Мать посмотрела строго, но в глазах уже дрожала улыбка. Подошла, поправила ему воротник — и Серёжа почувствовал знакомый сладкий запах её духов, смешанный с запахом жареного масла.

— Блины на столе. Котлеты и макароны в холодильнике. Отец уже сказал. Дверь закрой на щеколду, как уедем.

Поцеловала его в макушку и вышла в коридор. Отец взял рюкзак, перекинул сумку через плечо, последовал за ней, на пороге обернулся:

— Если что — звони в лесничество. Работают до четырёх. Но у меня такое чувство, что ты и сам справишься. Ты же у меня мужик.

Серёжа кивнул.

Через минуту стоял на крыльце, закутанный в старую шубу — проплешины от моли на рукавах впускали ветер. Ноги в резиновых галошах, второпях надетых на шерстяные носки, уже начали коченеть. На тёмном утреннем небе, ещё не успевшем побелеть от рассвета, висел тонкий полумесяц — бледный, как лезвие.

Отец сел в бордовую "Десятку". Мать обняла Серёжу на прощание, и он снова утонул в её запахе — сладком, тёплом, домашнем. меховой ворот щекотал нос, не давал дышать. Она незаметно стёрла слезу с ресницы, то ли от мороза, то ли от расставания, и села в машину.

Мотор чихнул, дёрнулся, выровнялся. "Десятка" покатила по утрамбованному снегу. Мама замахала ему из окна, отец коротко поднял руку над рулём. Серёжа взмахнул в ответ — и так и стоял с поднятой рукой, пока машина не нырнула в поворот. Красные габаритные огни подпрыгнули на ухабе и исчезли. Серёжа медленно повернулся на скользких половицах крыльца и закрыл дверь. Замок щёлкнул. Вставил щеколду.

Дом утонул в тишине.

Серёжа постоял у окна, глядя на свежие колеи, оставленные "Десяткой". Потом прошёл на кухню, налил чай, сел за стол. Блины лежали горой — мать оставила штук двадцать. Полил их мёдом, добавил сметаны и стал есть — один за другим, почти не жуя.

За окном кухни стоял лес — чёрный, неподвижный. Деревья тянулись к небу голыми ветками, и между ними только-только пробивались первые лучи. Они падали на снег полосами — косыми, бледными, как растянутый свет.

Серёжа доел блины, бросил тарелку в раковину, вытер руки о штаны и пошёл собирать портфель. Сегодня четверг. Нужно в школу. Хотя больше всего хотелось забраться обратно под одеяло и провалиться в сон, в котором отец ещё не уехал, мать печёт блины, а в печи трещит огонь. Стопка учебников лежала на столе. Быстро побросав всё в рюкзак, спустился вниз.

Надел куртку, шапку, шарф. Долго искал ключи, весь вспотел. Наконец нашёл их на столе в своей комнате — как принёс их туда, не помнил. Сунул связку в карман, вышел из дома.

Дверь за ним захлопнулась. Ключ повернулся в замке — где-то внутри сердцевины клацнуло. Серёжа зашагал по дорожке к калитке. Снег хрустел под ногами — громко, свежо, будто это был первый снег в декабре.

За спиной остался дом. А над ним — лес, вздымающийся тёмной волной, будто цунами застыло в последний миг перед ударом. В доме было тепло. На столе ещё стояла пустая тарелка из-под блинов, в коридоре тикали часы, а печь ждала, когда он снова разожжёт в ней огонь.

Глава 2.

Серёжа шёл в школу и думал о рыбалке с отцом.

Той самой, на озере, когда тот поймал здоровенную щуку. Отец кинул спиннинг, и в тот же миг его шатнуло так, что он чуть не свалился кубарем с лодки. Встав на одно колено, он смог удержать удочку. Щука сражалась с ним минут тридцать. Серёжа смотрел на отца, и в груди

у него что-то застряло — то ли гордость, то ли восторг. Он хотел что-то сказать, но только выдохнул, когда отец поднял шуку над лодкой, и чешуя блеснула на солнце, как мокрая монета.

Отец стукнул шуку веслом, стёр пот со лба и сказал:

— Да, Серый, килограмм пять, поди, будет.

Сейчас, шагая по хрустящему снегу, Серёжа представлял, как отец сидит у лунки во льду, смотрит на поплавок, дышит паром. Мать наверняка останется в домике — будет читать книгу или греть чай на печке. Им хорошо. А он вынужден идти в школу. Ему стало обидно, что отец всё-таки не смог уговорить мать. Серёжа ни разу не был на зимней рыбалке. Но с другой стороны — родители не будут дома целую неделю. Любой подросток мечтает о такой свободе: можно сколько угодно смотреть телевизор и не спать до полуночи.

На последнем уроке по алгебре Серёжа смотрел в окно. За стеклом темнело, снег падал крупными хлопьями, прилипал к стеклу и таял. Класс гудел, учительница что-то писала на доске, и он слышал только звук собственного дыхания и скрежет мела — будто по стеклу.

— Арсентьев, к доске.

Серёжа подпрыгнул на месте. С такой фамилией бывает тяжело, особенно когда задают стихи. «Авось до меня не дойдёт» — уже не канает.

Встал и пошёл к доске. Взял огрызок мела и поморщился — пахло так, будто доску вытирали грязной тряпкой, в которую перед этим плюнули.

Но Серёжа не зря вчера сидел за домашним заданием. На доске был похожий пример. Быстро решил уравнение с двумя неизвестными и сел обратно. Учительница, Ирина Александровна, даже похвалила его.

— Молодец, Арсентьев. Ну ведь можешь, когда хочешь.

Серёжа сел обратно, и внутри что-то неприятно кольнуло. «Когда хочю». Он всегда хочет. Просто не всегда получается. Но учительница этого не понимала. И никогда не поймёт.

После уроков они с друзьями пошли на прудик.

Он был совсем крошечный — метра три на три, не больше. Летом там никто не купался: вода стоячая, всё заросло камышом, пахло тиной. Но зимой прудик превращался в их личный полигон. Можно было долбить лёд камнями, кидать снежки, чувствовать себя первопроходцами.

В прошлом году Серёжа даже умудрился провалиться.

Было это уже в начале весны. Лёд стал рыхлым, серым, местами стеклянным — но они всё равно по нему ходили, ища адреналина. Друзья стояли на берегу, а Серёжа, как самый смелый, вышел на середину. Пнул торчащую из льда палку — и в тот же миг под ним всё трес-

нуло. Звук был глухой, противный, как хруст старой кости. Провалился по грудь — холодная жижа мгновенно залилась в сапоги, в брюки, поползла вверх по спине, за воротник. Дыхание перехватило, лёд больно резал ладони. Ноги увязали в илистом дне, когда бил по льду локтями, пробивая дорогу к берегу. Друзья с берега, пытаясь помочь, протягивали ему палку, но она только мешала. Их помощь понадобилась иначе — Петя и Димон спустились к воде и вытащили его на крутой, скользкий берег. Сам Серёжа не смог бы справиться с этой задачей. Его куртка набухла от воды и тянула вниз, как скафандр на космонавте, который только что приземлился в болото. Уже на берегу упал на колени, дрожал от усталости, не в силах вымолвить ни слова.

Холодно и страшно не было. Только обида и стыд.

Главный страх ждал его дома — мать. Она стояла в прихожей, скрестив руки на груди, и смотрела на него, мокрого, трясущегося, с заледеневшими шнурками.

— Сергей, — сказала она тихо. — Я же тебя просила.

Тогда получил по полной. Но сейчас, вспоминая, почему-то улыбнулся.

И ещё он заметил: после того случая Петя и Димон будто начали смотреть на него иначе. Словно он сдал экзамен, о котором никто не объявлял, и теперь его статус в их маленькой компании стал чуть выше.

Вот и сейчас они снова торчали у этого пруда. Кидали камни и радовались, если кому-то удавалось проломить лёд до самой воды. От мороза щипало щёки, пальцы в драных варежках уже не гнулись. Из-под проломленного льда тянуло сыростью и ржавчиной — будто вода или что-то под ней не хотели, чтобы их беспокоили.

— Смотрите, что у меня есть, — начал Димон.

Димон пошарил в кармане телогрейки и вытащил пачку «Примы» — мятую, с пятнами на картоне, будто её носили в кармане с ключами и жеваной бумагой. На ней виднелись чьи-то потные отпечатки пальцев. Пальцы у него были в синих чернилах — видно, что списывал на последней перемене.

Петя, мальчик в очках, с рыжими волосами, торчащими из-под вязаной шапки, шагнул назад и поправил очки:

— Это же вредно!

Глаза у него были большие, круглые, за стёклами очков казались ещё больше — будто он постоянно удивлялся всему, что видел.

Димон уставился на него:

— Эх, Петя, Петя, тебе всё вредно. Жить вредно, ты знал?

Он был его полной противоположностью — черноволосый, без шапки, в расстёгнутой телогрейке. Димон был зазывалой в их компании, вечно выдумывал, куда пойти, что делать, кого разыграть. Всегда знал то, чего не знали остальные. И это было правдой. Знал, как обма-

нуть продавщицу в ларьке, как списать на контрольной, у кого переписать домашку по математике. Говорил уверенно, нахально, с хрипотцой — словно всё в этой жизни уже попробовал, хотя был не старше остальных ребят.

— Не знал, — буркнул Петя, отворачиваясь.

— Так знай, мне так матушка говорит.

Петя насупился и ещё раз поправил очки, будто надеялся увидеть через них другой мир.

Серёжа достал из кармана те самые длинные спички, которые ему оставил отец. Они зажгли сигарету. Димон со знанием дела затянулся и сразу закашлялся. Сплюнул.

— Хорошая, значит, — опять закашлялся.

Серёжа тоже попробовал, но не глубоко — выпустил дым через нос и тоже закашлялся.

— Агх, ну и гадость, — выдохнул Серёжа.

— Ничего не понимаешь, дай сюда, — Димон выхватил у него сигарету, затянулся и снова зашёлся кашлем. Потом с размаху бросил её в сторону леса. — Да ты прав, гадость. Как они это курят?

— А давайте поклянёмся, — сказал Петя, и в его голосе дрогнула такая серьёзность, что Димон даже перестал ухмыляться. — Что никогда больше не будем курить.

Петя выдвинул руку вперёд. Серёжа окинул друзей взглядом и положил руку. Димон медлил, но через секунду его рука рухнула сверху. Три руки — грязные, красные от холода, в царапинах от веток. Серёжа чувствовал, как Димон чуть сжимает пальцы — будто боится, что тот отдернет руку.

— Клянусь, — сказал Серёжа, глядя на друзей.

— Клянусь, — буркнул Димон, но почему-то отвёл взгляд. Как будто уже знал, что не сдержит слова.

Постояли так секунду, а потом отдернули руки, будто обожглись. И сразу стало смешно. Димон заржал первым, за ним Серёжа, и только Петя стоял с оскорблённым лицом, поправляя очки.

Петя вдруг остановился и сказал:

— А если кто-то нарушит клятву?

Димон закашлялся и вытер губы рукавом.

— Тогда лягушка ему в рот прыгнет, — сказал он без улыбки.

Петя посмотрел на него, потом на Серёжу и кивнул.

— Договорились.

Димон вдруг хлопнул себя по карману куртки и довольно ухмыльнулся.

— О, чуть не забыл! — Достал из-за пазухи кассету в чёрной коробке. — Брат вчера в прокате взял. Я выпросил у него на один день. Говорят, там такое, — понизил голос, — что мама не горюй.

Серёжа взял кассету, повертел в руках. На обложке — белая маска, нож, чёрная пустота вместо лица. «Хэллоуин» — написано кровавыми буквами. Он слышал это название, но никогда не видел.

— Давай к тебе пойдём? — Димон кивнул в сторону дома Серёжи. — Твои родители же уехали. До вечера никто не придёт. Можно на всю катушку.

Петя поправил очки и неуверенно посмотрел на темнеющее небо:

— А если поздно? Я должен быть дома к восьми.

— До восьми ещё четыре часа, — отмахнулся Димон. — Успеешь. Выйдем в шесть. Ехать на автобусе час, с запасом хватит.

Серёжа помедлил. Хотелось побыть одному, но в пустом доме сидеть весь вечер было тоскливо. И потом — Димон всегда умел уговорить.

— Ладно, пошли, — сказал он и сунул кассету в карман.

Ребята пошли к Серёже. Димон шёл чуть сзади, набрал полную пригоршню снега, слепил ком и ловко засыпал его Пете за шиворот. Петя взвизгнул, дёрнулся, снег посыпался по спине, за шиворот, в рукава. Он развернулся и с красным от злости лицом рванул за Димоном вокруг Серёжи. Димон уворачивался, хохотал, поднимал снег ногами. Серёжа стоял и смотрел на них, и от этой глупой, живой беготни утренняя тоска по родителям вдруг отступила — он тоже невольно улыбнулся, а потом и вовсе рассмеялся.

Петя, запыхавшись, остановился и укоризненно посмотрел на него:

— Чего ржёшь?

Серёжа попытался сдержать улыбку, но не смог. Петя был как всегда серьёзен, что делало всё ещё смешнее.

Димон, стоя на безопасном расстоянии от Пети, довольно ухмыляясь, отряхивал снег с рукавов телогрейки и крикнул:

— Ладно, хорош дуться. Пошли, пока не стемнело.

Петя что-то буркнул, но пошёл.

Они двинулись к дому Серёжи. Снег хрустел под ногами, в воздухе пахло морозом и дымом из печных труб. Димон шёл впереди, то и дело поддевая ногой снежные комья. Петя плёлся сзади, насупившись, но уже не злой.

У крыльца Серёжа открыл дверь и пропустил друзей вперёд.

В прихожей было темно и пахло старым деревом. В доме ещё держалось тепло, хотя печь не топили со вчерашнего вечера. Друзья скинули ботинки, повесили куртки на гвозди. Димон уже топал по коридору, заглядывая в комнаты:

— Давай сразу смотреть.

Серёжа усмехнулся, прошёл на кухню, поставил чайник.

— Сейчас, только чайник поставлю.

— Да какой чайник, — отмахнулся Димон, поднимаясь на второй этаж, где был телевизор. — Там такое, что без чая страшно.

Ребята поднялись на второй этаж. Серёжа прошёл в родительскую спальню — единственную комнату на этаже, где стоял телевизор. Большой, ламповый, на тумбе у стены. Рядом с ним — старенький видеомагнитофон «Электроника», который отец притащил откуда-то с работы. Над тумбой на полке лежали кассеты — какие-то записи, старые фильмы, пара пустых для записи.

По той же стене — сервант с посудой, которую доставали только на Новый год или дни рождения. Хрустальные рюмки, фарфоровые тарелки, салатница с золотым ободком. Серёжа помнил, как мама протирала её перед праздниками и говорила: «Не трогай».

Вдоль другой стены, где была дверь в комнату — платяной шкаф, приоткрытый, из него торчал рукав отцовской рубашки, а на двери висели старые носки, которые никто не забирал.

Напротив шкафа — окно. За ним чернел лес, и даже днём свет из него казался серым, зимним.

В комнате стоял раскладной диван. Мама обычно засыпала на нём раньше всех, укрывалась пледом и отключалась, пока по телевизору шло что-то скучное. Отец ложился рядом, но засыпал только под телевизор — как только диктор замолкал или начинались титры, он тут же проваливался в сон. Иногда телевизор играл до самого утра, пока не начинал шипеть пустыми каналами, а они оба уже спали. Над диваном висел ковёр — бежевый, с узором.

Димон уже возился с видеомагнитофоном, вставил кассету, щёлкнул кнопкой «play». Экран зашипел, замигал — и начал показывать титры.

Серёжа сел на пол, прислонившись спиной к дивану. Петя присел на край дивана, снял очки и протёр их о футболку. Димон устроился рядом с Петей, поджав ноги.

Фильм начинался.

На экране кто-то бежал по коридору, кто-то кричал, музыка нагнетала напряжение. Димон комментировал каждую сцену. Петя иногда отворачивался, но смотрел краем глаза. Серёжа сидел на полу, уставившись в экран. Фильм затягивал — было одновременно страшно и интересно.

Петя в очередной раз вздрогнул от скрипа двери на экране, вскочил и подошёл к окну, зажимая уши ладонями:

— Надо проветрить.

Дёрнул створку, выпуская в комнату холодный воздух, и вдруг замер, уставившись в темноту. Резко замахал рукой:

— Смотрите! Медведь!

Димон даже не обернулся — он сидел, вжавшись в кресло, и не отрывался от экрана. Серёжа подошёл к Пете. Сквозь открытое окно врвался морозный воздух, и в темноте, за двором, стоял лес — чёрный, неподвижный. Между стволами мелькнула тень. Что-то большое, тёмное, двигалось плавно, беззвучно.

— Ничего не вижу, — сказал Серёжа.

— Уже ушёл, — ответил Петя. — Большой был. Прямо между сосен стоял, смотрел на дом. — Он помолчал и обернулся к Серёже. — Ты когда-нибудь видел здесь медведя?

— Отец говорит, медведи тут не водятся, — сказал Серёжа. — Лес маленький, им негде жить.

Петя недоверчиво хмыкнул, но ничего не сказал.

В этот момент Димон обернулся к ним, скривившись:

— Что вы там застряли возле окна? Боитесь, что ли?

Петя выпрямился, одёрнул футболку:

— Ничего я не боюсь. Просто воздухом захотелось подышать.

— Трус ты, Петя, — усмехнулся Димон и кивнул на экран. — Там как раз самое страшное начинается.

Петя посмотрел на экран, потом на окно, потом снова на экран.

— Я не трус, — сказал он тихо, но твёрдо, и вернулся на своё место. Но Серёжа видел, как он сжал кулаки, чтобы они не дрожали.

Серёжа закрыл окно и сел рядом. Димон перемотал немного назад. На экране снова скрипнула дверь. Петя зажмурился. Впрочем, до конца фильма осталось совсем чуть-чуть. Через двадцать минут по экрану побежали финальные титры. Димон вытащил кассету и сунул её в карман, довольно щурясь:

— Ну что, я же говорил — отпад.

Петя молчал, глядя в пол. Он весь сжался, будто до сих пор ждал, что из темноты на экране кто-то выскочит. Встал, поправил очки и, не оборачиваясь, пошёл в прихожую.

— Ладно, нам пора, — сказал Димон, тоже поднимаясь. — А то действительно темень какая-то.

Они оделись в коридоре, зашнуровали ботинки. Петя уже стоял на пороге, глядя в темноту. Димон обернулся к Серёже, пихнул его в плечо:

— Ты как? Нормально? Один останешься.

— Нормально, — ответил Серёжа. — Я дома.

Димон хмыкнул, развернулся и вышел следом за Петей. Дверь захлопнулась.

Серёжа остался один. Щёлкнул замком, вставил щеколду. В доме стало тихо. Только часы в коридоре тикали — мерно, навязчиво.

Постоял в прихожей, прислушиваясь к этой тишине. Потом прошёл на кухню. Достал из холодильника котлеты — две штуки, те самые, что оставила мать. Положил их на сковороду, поставил на газ. Они зашипели, запахло жареным мясом. Серёжа смотрел на шипящие котлеты и вдруг вспомнил, как мать стояла у этой же плиты и смазывала блины маслом. Через пару минут снял их, переложил на тарелку. Сел за стол. Ел, глядя в окно. За стеклом чернело, снег летел из темноты, и казалось — лес выдохнул его, чтобы спрятаться. Серёжа жевал и смотрел на этот снег, на чёрные стволы. Котлеты были горячими, но он почти не чувствовал их вкуса.

Сбросил посуду в раковину, поднялся к себе, включил телевизор. По НТВ показывали «Окна» — толстый ведущий что-то кричал в камеру, за ним на экране мелькали фотографии. Серёжа переключил на канал, где крутили старый боевик. Джекки Чан прыгал по стройке, ломал стулья, смеялся. Серёжа смотрел, но не видел. Он думал о том, как отец учил его топить печь, и как мать поправила ему воротник.

Печь, точно. С наступлением ночи в доме становилось всё холоднее. Серёжа пошёл разводить печь.

В комнате на первом этаже пахло остывшей золой и берёзовыми вениками. Печь занимала почти полстены — массивная, обложенная старым кафелем, местами потрескавшимся. Чугунная дверца была приоткрыта, внутри чернела пустота. От печи вверх уходила толстая железная труба, проходящая сквозь потолок на второй этаж. В холодные дни от неё шёл такой жар, что можно было сидеть рядом без свитера, а наверху, в комнате Серёжи, от этой трубы всегда было теплее, чем в остальном доме.

Комната служила предбанником. Из неё можно было попасть в баню — через невысокую деревянную дверь, за которой начинался каменный пол и пахло мокрым деревом. У стены стоял старый деревянный стол, потёртый, со следами от кружек. Когда они с отцом ходили в баню, на этом столе всегда стоял горячий чайник, кувшин с водой, обязательно банка с мёдом и вареньем — вишнёвым или смородиновым, которое мама закрывала на зиму.

По стенам висели банные веники — берёзовые, дубовые, связанные в пучки и сухие, как сено. На гвоздях — старые тазы, жестяные и пластиковые. Над печью висели рога оленя — широкие, ветвистые, потемневшие от времени. На них, перекинутые через рога, сушились старые махровые полотенца, жёсткие от частых стирок.

Серёжа подошёл к печи, заглянул внутрь. Вчерашние поленья догорели, осталась только горка золы и несколько обугленных щепок. Он опустил на корточки, провёл пальцем по холодному кирпичу. Порвал старые газеты, смял их, затем от одного полена оторвал кору и положил сверху. Потом положил и сами брёвна. Всё, как учил отец. Чиркнул длинной спичкой. Огонь никак не хотел разгораться. Пришлось зажечь ещё одну. И только тогда понял, что забыл открыть поддувало. Открыл его, закрыл дверцу — и пламя моментально перекинулось с газет на кору. Через минуту из печи стал доноситься уютный треск разгоревшихся брёвен.

Около десяти часов решил позвонить родителям.

Телефон стоял в коридоре, на деревянной тумбе. Старый, дисковый — бежевый, с потёртой трубкой. Серёжа снял трубку. Диск под пальцем был холодным — он покрутил его взад-вперед, прежде чем набрать номер. Гудки пошли длинные, пустые. Один. Два. Три. Серёжа представил, как телефон звонит в пустой лесничей будке — на столе лежит раскрытый журнал, остывает кружка, и никого. Четыре. Пять. Шесть. Набрал ещё раз, хотя знал — трубку никто не возьмёт.

После восьмого гудка положил трубку. Пальцы чуть подрагивали. Сунул их в карман и сказал себе вслух:

— Работает до четырёх, дурак.

Но голос прозвучал слишком тонко — будто сам не верил этому объяснению.

Вернулся в свою комнату, лёг на кровать. Телевизор работал, голубоватый свет скользил по стенам. Серёжа закрыл глаза и почувствовал, как тянет в сон.

Уснул в одежде, так и не выключив телевизор.

За окном было тихо.

В доме, где-то на первом этаже, скрипнула половица, но Серёжа уже спал.

Глава 3.

Серёжа провалился в сон быстро и тяжело — будто кто-то накрыл его тёплым одеялом и сел сверху.

Ему приснился пруд. Тот самый, где прошлой весной провалился под лёд и где сегодня они пробовали сигарету. Во сне Серёжа стоял на середине озера, лёд трещал под ногами, но не проваливался. Димон и Петя стояли на берегу, размахивали руками, кричали, но слов не было слышно. Только скрежет льда и стук собственного сердца, отдающийся где-то в висках. Хотел было сделать шаг, но ноги примерзли к поверхности, будто язык к железной трубе на морозе.

Тогда он опустил взгляд вниз, себе под ноги.

Сквозь прозрачную толщу воды увидел её — огромную фигуру. Она стояла прямо под ним, и вместо головы была морда осьминога с пульсирующими жвалами, которые двигались в такт течению. В каждой из восьми щупалец — по длинному кухонному ножу, и они медленно, с усилием рубили лёд. По всему телу существа вздувались вены, и в них пульсировала зелёная кровь. Жабры на шее ходили ходуном, и оттуда поднимались пузыри — крупные, маслянистые, лопающиеся у поверхности.

Каждое движение щупалец отдавалось вибрацией в воде, и Серёжа чувствовал, как лёд под ним становится тоньше. Треск становился громче, острее, резал уши. Он смотрел, как отрубленные куски льда тяжело уходят на дно, оставляя за собой тёмные воронки.

Одно из щупалец пробило лёд. Оно проскользнуло в образовавшуюся щель и обхватило его ногу. Прикосновение было ледяным — не как вода, а как металл, пролежавший всю зиму на морозе. От этого холода по спине пробежала дрожь, и он дёрнулся изо всех сил.

Проснулся. Вскочил, не понимая, где находится. Сердце колотилось так, что стук отдавался в горле. Он тяжело дышал, оглядывая комнату. Только через несколько секунд понял — он у себя, в своей комнате, на диване. Но в ногах всё ещё чувствовалось то ледяное прикосновение.

Комната была тёмной. Правая нога заледенела — носок куда-то сбил, и пятка касалась холодного пола. В открытое окно тянуло морозом и гарью из печной трубы. Где-то за стеной выл ветер — тоскливо, протяжно, будто звал кого-то. Телевизор шипел, покрытый рябью помех. Антенна, должно быть, сбилась от ветра.

Серёжа лежал неподвижно, вслушиваясь в ночь. Сердце всё ещё колотилось, но дыхание начинало выравниваться. Перевёл взгляд на ногу, провёл пальцами по щиколотке — кожа была холодная, влажная, но сухая. Никакого следа. Конечно, не могло быть. Это же был сон.

И всё равно не мог отделаться от ощущения, что кто-то коснулся его.

Внезапно, будто в довесок к этому сну, по спине пробежал холодок. Он осознал это так отчётливо, будто кто-то произнёс вслух: ты один. В большом пустом доме. Родители уехали на целую неделю. От этой мысли внутри одновременно сжалось что-то страшное и тоскливое — и он почувствовал, как тишина вокруг стала плотнее, тяжелее. Но тут же вспомнил: бабушка придет уже завтра. И стало легче. На мгновение.

Дом тем временем жил своей привычной ночной жизнью. Где-то в стенах постукивали трубы, в остывающей печи потрескивали угли, за окном шевелились голые ветки. Вдалеке залая собака — и снова тишина. Привычные звуки. Серёжа знал их наизусть, они были частью дома, его дыханием, его скелетом.

Но тут до него дошёл другой. Новый. Он пугал своей осторожностью. Сначала Серёжа подумал, что показалось. Но когда затаил дыхание и прислушался, понял: тишина изменилась. Стала другой. Более плотной, более чуткой, будто кто-то приложил ухо к стене и слушал вместе с ним. Вжался телом в диван и старался не дышать.

Хруст. Пауза. Хруст. Пауза.

Через открытое окно, выходящее в сторону леса, Серёжа чётко разобрал звук чых-то шагов в глубоком рыхлом снегу.

Шаги были медленные, тяжёлые.

Серёжа потянулся за пультом, чтобы выключить телевизор. Телевизор потух, запустив в комнату темноту с улицы. Сердце забилося чаще. Свитер, одетый на голое тело, словно мёдом приклеился к спине.

«Михалыч — сосед бродит после запоя?» — мелькнуло в голове.

Сосед жил в соседнем доме, через дорогу. Когда напивался — а это случалось часто, — его было слышно на всю улицу. Он орал шансон: то Михаила Круга, то «Владимирский централ», который заезжен до дыр, но Михалыч пел его так, будто сам там сидел. Пару раз напивался до такой степени, что путал свой дом с Серёженным. Громко ломился в дверь, крича: «Зина, открывай!» Зиной звали его жену. Отец тогда выходил, брал его под руку и отводил до соседнего крыльца, а наутро Михалыч ничего не помнил.

Но когда он не пил — был совсем другим. Добрым, молчаливым, вечно возился в гараже. У него всегда что-то горело, стучало, чинилось. Он работал автомехаником в местном авто-сервисе, а по вечерам копошился в своём мотоцикле с люлькой — стареньком, облезлом, но на ходу. Однажды он прокатил в нём Серёжу. Посадил в люльку, надел старый мотоциклетный шлем — тот сидел на голове как кастрюля, — и проехал с ним по просёлку до развилки, где дорога уходила в лес. Ветер в лицо, летний, тёплый, пахло травой и бензином, а Михалыч смеялся и показывал рукой вперёд: — Видишь, Серый? Там такая поляна есть, где всё лето малина растёт. Ещё у него была собака — лохматый пёс по кличке Берт, которому отец всегда относил кости. И говорил Серёже: «Не выбрасывай, Михалычу собаку кормить». Серёжа собирал в пакет и относил.

Но как-то раз с отцом у них что-то не поделилось. В автосервисе они поцапались — то ли отец подумал, что Михалыч его обманул, то ли Михалыч не так понял заказ. Серёжа так и не узнал сути. Но помнил, как отец вернулся злой и с тех пор перестал здороваться с соседом. Просто проходил мимо, не поднимая головы. А кости всё равно передавал. Через Серёжу. Сам он уже не нёс.

Серёжа же всегда здоровался. И мама тоже, когда видела. Она знала, что отец был недоволен, но считала, что люди должны здороваться.

Мысль о нём была лишь спасательным якорем — той частью мозга, которая пытается рационально объяснить происходящее. Но шаги, которые приближались, не были пьяными. Слишком ровными, слишком осторожными. Они не шатались — они шли прямо к дому.

И становились всё отчётливее.

Серёжа пригнулся и на цыпочках, стараясь не скрипнуть половицей, подкрался к окну.

Одинокий фонарь, который освещал просёлочную дорогу, был на другой стороне дома. Поэтому его свет, который и так был жёлтым и слабым, не мог бороться с темнотой.

Метель, которая начиналась, когда Серёжа пытался разжечь печь, стихла. Только редкие хлопья падали и растворялись в снежной темноте. Аккуратно просунул голову между занавесок, чтобы оставаться незамеченным.

И увидел. Фигуру.

Она уже шла по их огороду, переступив через небольшой забор, едва видневшийся из-под снега.

Луна, в отличие от фонаря, ярко отражалась от белой снежной глади, и в её свете была отчётливо видна вереница следов, уходящая в лес.

Серёжа прищурился, вглядываясь в темноту.

Сначала мелькнула мысль о медведе. Тот, которого видел Петя. Такой же крупный, тёмный, двигался тяжело, вразвалку. Но медведи зимой спят в берлогах. А эта фигура шла на двух ногах.

Пригляделся. Нет, это не медведь.

Человек. Огромный, массивный, в тяжёлой тёмной одежде, похожей на грубую шерсть — шуба. Двигался медленно — так, будто шёл издалека и давно устал. Руки висели вдоль тела. В глубоком снегу, где ноги проваливались по колено, руки касались поверхности, оставляя за собой неровные борозды. Голова опущена, плечи сторблены. Изредка останавливался, поднимал голову — и замирал. Словно принюхивался, прислушивался, пытался уловить что-то в ночи. Потом снова шёл.

Серёжа смотрел на него, и внутри всё холодело.

Шаги становились всё громче — теперь они уже не хрустели где-то вдалеке, а раздавались прямо за забором. Сердце билось всё быстрее и быстрее, как паровоз, набирающий скорость.

«Пройдёт мимо, — пронеслось в голове. — Сейчас свернёт к себе, и всё закончится. Ну же, проходи».

Но шаги не сворачивали. Они неумолимо приближались к дому. Что-то внутри подсказывало — что не пройдёт. Что фигура направляется именно сюда. К этому дому.

Серёжа попятился от окна.

Судорожно вспоминая, как закрывал замок и вставлял щеколду, когда провожал Петю и Димона, Серёжа метнулся к двери, ведущей в комнату, захлопнул её и задвинул шпингалет. Потом схватил стул, задвинул под ручку. Это, конечно, не остановило бы никого, если бы тот решил войти, но давало ощущение, что он всё-таки что-то сделал. Хоть какую-то стену между собой и тем, что шло снаружи.

Серёжа слышал, как фигура подошла к крыльцу. Тяжёлые шаги ступили на деревянные половицы перед дверью. Наступила тишина. Потом — скрежет. Кто-то вставлял ключ в замочную скважину. Серёжа замер. Откуда у него ключи?

Ручка дёрнулась. Раздался лязг — и что-то звонко упало на пол. «Ключи», — пронеслось в голове. — «Он выронил их». Но дверь не открылась. Щеколда, вставленная изнутри, держала крепко.

Снаружи дёрнули ещё раз — сильнее. Стёкла в рамах задрожали даже на втором этаже. Потом — тишина.

Серёжа стоял, прижавшись к стене. Дышал через рот, стараясь не издавать ни звука. Сердце колотилось так громко, что казалось — его слышно внизу.

Шаги снова раздались — они обходили дом. Серёжа слышал, как они переместились к стене кухни, остановились, потом стук в окно. Снова тишина.

Звуки стали отдаляться. Серёжа выдохнул. «Уходит», — мелькнуло в голове.

Но нет. Кто-то просто обошёл дом и снова вернулся на крыльцо. Тишина. И — грохот.

Рамы задрожали сильнее, чем в первый раз. Казалось, в дом врзалась машина. Серёжа подпрыгнул на месте. Удар. Ещё один. И ещё. Потом послышался лязг — щеколда сорвалась с косяка и с глухим стуком упала на деревянный пол.

Серёжа не дышал. Он сейчас хотел только одного — чтобы его разбудила мама и сказала, что нужно собираться в школу. От отчаяния даже ущипнул себя. Ничего не произошло.

Только снизу послышалось, как кто-то тяжёлыми ботинками ступил на деревянный пол. Входная дверь со скрипом закрылась. Тишина. Потом — шум по кухне. Серёже казалось, он слышит даже его дыхание — тяжёлое, с присвистом, будто он не просто ходил, а долго и тяжело дышал.

Незнакомец ступал медленно. Осторожно. Как будто человек осваивался на новом месте.

Серёжа прижался спиной к стене и крепко зажмурился.

Сомнений не было — внизу человек.

Стул под ручкой и хлипкая щеколда казались жалкой насмешкой. Если бы знал, что это произойдёт, обязательно бы пододвинул шкаф, забаррикадировав дверь по-настоящему. Но теперь было поздно. Если тот поднимется вверх и захочет войти — всё кончено.

Тем временем внизу на кухне открылся холодильник, звякнула бутылка, хлопнула дверца.

Серёжа потерял счёт времени. Минуты растягивались в резиновые жгуты, и он уже не понимал — прошло десять минут или целый час. Губы грыз до крови, не замечая боли. Иногда внизу снова раздавались шаги — тяжёлые, уверенные. Тогда он вжимался в стену, замирал.

Потом звуки стихали. Хлопнула входная дверь. Раздался удаляющийся хруст со стороны леса.

«Ушёл, — пронеслось в голове. — Наверное, ушёл».

Серёжа даже позволил себе выдохнуть. И на секунду подумал: «Может, мне всё это приснилось? Может, я сплю?» Но взгляд упал на стул, пододвинутый под ручку, на задвинутый шпингалет — и он понял: нет, не приснилось.

Тишина длилась долго. Несколько раз подходил к двери, прислушивался. Ни звука. Только ветер за окном да редкий скрип половиц, которые остывали сами по себе.

Хотел было спуститься и бежать из дома прочь что было мочи. Или хотя бы подойти к телефону — набрать короткий номер милиции и позвать на помощь.

Но ноги не слушались. Делал шаг к двери — и останавливался. Страх был сильнее спасения. Серёжа так и простоял у двери, прислушиваясь к ночным звукам, не в состоянии решиться.

И тут — снова хруст. Снаружи. Шаги приближались к дому. На этот раз к ним добавился плавный шорох. Серёжа мог различить, как человек с хрипом волочил за собой что-то по снегу. Что-то очень тяжёлое. На этот раз, парализованный страхом, к окну не подошёл, а лишь представил — тёмную фигуру в шубе, которая под светом падающей луны тащит мешок, оставляя за собой широкую борозду.

Дверь внизу снова открылась. Шаги прошли на кухню. И через несколько минут до Серёжи впервые донёсся запах жареного. Человек внизу что-то готовил на плите.

Потом — скрип. Дверь. Шаги стихли. Наверное, спустился в подвал.

Серёжа закрыл глаза. Не от усталости — от отчаяния. Сполз по стене на пол, прижался спиной к холодной поверхности и вдруг почувствовал, как тяжесть разливается по телу. Он устал. Сильно. До дрожи, до пустоты в голове.

Незаметно провалился в тревожный сон. Время от времени реальность пробивалась сквозь дрему: звон посуды, скрип половиц, тяжёлое дыхание и шум воды. Слышал, как его новый сосед хозяйничает внизу, но не мог проснуться.

Серёжа очнулся от хруста снега — удаляющегося, мерного. Осторожно поднялся и на корточках подошёл к окну. За стеклом, в сером предрассветном сумраке, увидел фигуру в тёмной шубе. Она удалялась в лес, оставляя за собой цепочку следов. Не спеша. Не оглядываясь. Как будто знала, что он смотрит.

Стоял у окна, пока фигура не скрылась между деревьями. Разрешил себе лечь на диван и почти сразу провалился в сон — уже без звуков и без запаха мяса. Просто тьма.

Очнулся оттого, что за окном начало сереть. Где-то вдалеке, со стороны соседнего двора, раздался первый петушиный крик.

И вдруг вспомнил, как бабушка говорила: «Нечисть уходит с первым петухом». Её слова придали уверенность. Значит, ушёл. Правда ушёл.

Петух пропел ещё раз, на этот раз ещё громче.

Серёжа встал. Ноги онемели, тело ломило, но он поднялся. Отодвинул стул, откинул шпингалет и осторожно открыл дверь.

В доме было тихо.

Медленно спустился вниз.

На кухне царил разгром. В воздухе густо пахло водкой и горелым жиром. На плите стояла чёрная сковорода с остатками жареного сала, рядом — открытая банка огурцов и тарелка с обгрызенными хвостиками. На полу валялась вырванная с корнем щеколда. Серёжа поднял её. Металл был холодным, мокрым от чьих-то рук. Посмотрел на свои ладони — они дрожали мелкой, противной дрожью, которую нельзя было остановить.

Стоял посреди кухни и смотрел на всё это.

Не плакал. Просто стоял и думал одной-единственной мыслью:

«Это был не сон».

Глава 4.

Серёжа стоял посреди коридора и смотрел на щеколду. Во рту чувствовался металлический привкус — это кровоточили погрызанные за ночь губы.

Она лежала на полу, вырванная с корнем. Вместе с куском дверного косяка. Дерево было свежим, светлым, ещё не успевшим потемнеть на воздухе. Серёжа смотрел на неё и не мог понять, как это возможно. Она была железной. Тяжёлой. Её вварили в дверь, когда он ещё не родился. Везде была вода от растаявшего снега, прилипшего к ботинкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.